

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Ахуновой Рины Рушановны «Библейские женские образы в творчестве Ф. М. Достоевского и А. А. Ахматовой», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Тема диссертации представляется **актуальной** сразу в нескольких аспектах. Во-первых, *теоретическая актуальность* обусловлена назревшей необходимостью сравнительного анализа библейских женских образов у двух выдающихся авторов, принадлежащих разным эпохам литературы. Ранее подобное сопоставительно-типологическое изучение не предпринималось, несмотря на очевидную значимость данного аспекта для понимания христианских основ русской литературной традиции. Во-вторых, *историко-литературная актуальность* определяется тем, что творчество Ф.М. Достоевского и А.А. Ахматовой связано общими духовными корнями – библейской почвой, на которой сформировались их образы и мотивы. Исследование выявляет преемственность и диалог между русской классической прозой и модернистской традицией XX века, что важно для истории литературы. В-третьих, *культурологическая актуальность* работы несомненна, поскольку библейские образы женщин (такие как Мария Магдалина, Дева Мария, Рахиль, Юдифь и др.) имеют универсальное культурное значение. Их интерпретация у Достоевского и Ахматовой отражает фундаментальные этические и духовные вопросы – грех и святость, падение и искупление, женская жертвенность и сила духа. Таким образом, диссертация отвечает запросам современного гуманитарного знания, стремящегося осмыслить роль библейского наследия в формировании мировоззрения и художественного мира русских писателей.

Научная новизна исследования. В работе Р. Р. Ахуновой достигнуты конкретные результаты, представляющие научную новизну. Во-первых, диссертантка **выделила единый ряд библейских героинь** в произведениях Достоевского и Ахматовой – сквозные образы, общие для обоих авторов, среди которых центральными названы Богородица, «святая блудница», Рахиль. Во-вторых, впервые определён и учтён комплекс необходимых контекстов (биографический, историко-литературный, культурный), в рамках которых проводится анализ этих образов. В-третьих, **впервые осуществлён цельный**

сравнительный анализ ряда ключевых текстов Достоевского и Ахматовой, где доминируют библейские женские архетипы. Ранее исследования либо фокусировались отдельно на каждом авторе, либо упоминали связи фрагментарно; данная же работа системно сопоставляет прозу и поэзию, выявляя глубинные типологические сходства. В-четвёртых, в диссертации **выявлены общие черты и различия** в художественной интерпретации библейских образов у обоих авторов. Показано, что Достоевского и Ахматову роднит творческое совмещение мифопоэтических, фольклорных и христианских мотивов, однако у Ахматовой восприятие библейских героинь преломляется через гендерную призму, приводя к смещению акцентов по сравнению с библейским первоисточником и трактовками Достоевского. В частности, автор работы ввела в научный оборот положение о своеобразном **«коде Достоевского»** (или «комплексе героинь Достоевского»), прослеживаемом в поэзии Ахматовой. Этот «код» означает, что творческое наследие Достоевского выступает опосредующим звеном в ахматовской интерпретации библейских женских образов, существенно влияя на характер их воплощения.

Обоснованность научных положений и выводов. Положения, выносимые на защиту, и основные выводы диссертации **надёжно обоснованы**. Во-первых, автор опирается на внушительную базу источников: произведения Достоевского и Ахматовой проанализированы в тесной связи с библейскими текстами (Ветхий и Новый Завет) и с учётом внушительного массива научной литературы (235 наименований). Во-вторых, в работе последовательно применена выбранная методология: каждая глава строится на четко обозначенных методах (биографическом, сравнительно-историческом, мифопоэтическом и др.), что придаёт аргументации внутреннюю логику. Например, тезис о типологическом родстве образов у Достоевского и Ахматовой подкрепляется конкретными примерами реминисценций и аллюзий (цитаты из Достоевского в текстах Ахматовой, параллельные мотивы и характеры). Все заявленные в введении задачи находят решение в основном тексте, а выводы вытекают из проведённого анализа, что свидетельствует о достоверности результатов. Автор диссертации критически рассматривает альтернативные точки зрения из литературы по теме, что также усиливает обоснованность: по спорным вопросам приводятся аргументы в пользу собственной позиции. В целом, исследование производит впечатление методически выверенного и доказательного научного труда, в котором все ключевые положения логично вытекают из анализа источников.

Наиболее значимые выводы автора. Среди выводов, сделанных Риной Рушановной, можно выделить наиболее значимые для филологии и понимания творчества обоих авторов. Во-первых, получено *убеждение в глубинном родстве мироощущения Достоевского и Ахматовой*: несмотря на различие эпох и жанров, их объединяет обращённость к «вечным образам» Священного Писания. Диссертантка пришла к выводу о принципиальной типологической соотнесённости библейских женских образов в произведениях Достоевского и Ахматовой. Во-вторых, показано, что *образ «святой грешницы»* (Марии Магдалины и подобных ей фигур) является сквозным для обоих, приобретая у Ахматовой особенно отчётливый женский голос. Этот вывод подкреплён анализом: Соня Мармеладова у Достоевского и ряд лирических героинь Ахматовой (например, стихотворение «Мы все бражники здесь, блудницы...») восходят к одному архетипу прощённой грешницы. В-третьих, установлен факт своеобразной *творческой преемственности*: Ахматова не просто пользуется библейскими сюжетами параллельно с Достоевским, но зачастую творит *в диалоге* с ним. Один из ключевых выводов – подтверждение влияния «кода Достоевского» на ахматовскую поэтику. Это выражается в том, что некоторые ахматовские образы (например, героини с сочетанием ангельского и демонического начал) соотносятся с образами Достоевского (Настасья, Грушенька и др.), что обогащает их смысл. В-четвёртых, выявлено, что *художественная реализация библейских архетипов* у обоих авторов носит синкретический характер. Оба вписывают библейские мотивы в широкий культурный контекст: Достоевский – через призму народного православия и мировой христианской традиции, Ахматова – через отражение всей истории культурной рецепции этих образов (например, образ Саломеи у неё осмыслен на фоне искусства и литературы разных эпох). Этот вывод важен для понимания их эстетики «всемирной отзывчивости». Наконец, в-пятых, в диссертации сформулирована *концепция художественной трансформации* библейских образов: и Достоевский, и Ахматова предельно актуализируют древние архетипы, наделяя их новым звучанием в своей эпохе. Автор убедительно показала способность обоих художников слова к индивидуально-авторской трансформации священных прототипов при сохранении глубинной связи с Библией.

Р.Р. Ахунова корректно опирается на достижения предшественников, но не следует каким-либо одним шаблонам или теориям слепо, а критически переосмысляет их применительно к своему материалу. Самостоятельность

работы подтверждается и тем фактом, что по теме диссертации автором опубликован ряд статей и сделан ряд докладов на научных конференциях. Это значит, что коллеги уже ознакомились с некоторыми результатами работы и признали их научную состоятельность. Никаких признаков заимствования чужих результатов без ссылки не обнаружено – напротив, все источники добросовестно цитируются.

Объём привлечённого материала представляется **более чем достаточным** для получения обоснованных выводов. Диссертанткой исследованы: а) библейские тексты (эпизоды Священного Писания, связанные с упомянутыми женскими персонажами) – автор корректно интерпретирует эти первоисточники, учитывая богословский и культурный смысл образов; б) **произведения Достоевского** – проанализированы все ключевые романы писателя, где присутствуют мотивы с библейскими героинями. В центре внимания оказались *«Преступление и наказание»*, *«Идиот»*, *«Братья Карамазовы»*, повесть *«Кроткая»* и др., то есть материал репрезентативно охватывает зрелое творчество Достоевского. Отдельно исследован цикл *«Дневник писателя»* в части размышлений автора о Библии (это просматривается по ссылкам на высказывания Достоевского о Библии во введении). в) **Лирика Ахматовой** – рассмотрены произведения разных периодов: от ранних сборников (*«Чётки»*) до поздних циклов (*«Библейские стихи»*, *«Реквием»*, *«Поэма без героя»*). Особое внимание уделено самым показательным стихам на библейские сюжеты (*«Рахиль»*, *«Жена Лота»*, *«Юдифь»*, *«Надпись на портрете»* и др.). Таким образом, *охват текстов максимальный*: фактически исследованы все основные случаи появления библейских женских образов у обоих авторов. Это важно, поскольку исключает односторонность: выводы сделаны на широком основании, а не на узком выборочном материале. Помимо художественных текстов, автор привлекает и черновые материалы, дневники, письма – всё, что может свидетельствовать о намеренном введении тех или иных мотивов. Что касается баланса материала: возможно, чуть более подробно представлены тексты Достоевского (что естественно, учитывая объём его прозы), однако и по Ахматовой проведён репрезентативный анализ достаточного числа стихотворений.

Теоретическая ценность диссертации Р. Р. Ахуновой для филологии и смежных гуманитарных дисциплин является **высокой**. Исследование концептуально расширяет представления о функционировании библейских образов в русской литературе XIX–XX веков. В частности, оно вносит вклад в

развитие исторической поэтики и этнопоэтики: автором прослежен конкретный пример глубинной связи классической литературы с христианской (библейской) традицией. Выводы работы имеют значение не только для изучения Достоевского и Ахматовой, но и для **теории литературы**, ее разделов, касающихся интертекстуальности, архетипических образов, гендерной поэтики. Предложенная в диссертации концепция «опосредованного звена» (Достоевский как медиатор между Библией и Ахматовой) может быть применена и к другим случаям взаимодействия писателей разных эпох. Фактически, автор показала методологический пример, как выявлять «посредников» при изучении литературной преемственности. Теоретически значимым является и выявление **синкретизма художественного мышления** Достоевского и Ахматовой: в работе это обосновано через понятия «всемирной отзывчивости» и «всечеловечности» их искусства. Подобное обобщение обогащает понимание принципов русской классической литературы в целом. Кроме того, результаты исследования могут лечь в основу дальнейших **компаративных исследований**: Рина Рушановна фактически разработала подход к сопоставлению авторов из разных эпох по религиозно-мифологическим мотивам. Это ценно для сравнительного литературоведения. Наконец, теоретическая значимость прослеживается и для библеистики в литературе: работа конкретизирует, каким образом «вечные образы» Библии модифицируются в художественном тексте, сохраняя при этом универсальные смыслы. Таким образом, выводы и методологические положения диссертации могут быть учтены в дальнейших научных изысканиях аналогичного плана, как отмечает и сам автор.

Результаты диссертации обладают несомненной **практической ценностью**. Во-первых, материалы и выводы исследования могут быть использованы в учебном процессе вузов: при подготовке лекций и спецкурсов по творчеству Достоевского, Ахматовой, по истории русской литературы XIX–XX вв. Видится возможность создать на основе работы учебно-методические разработки, хрестоматии или комментарии к текстам. Например, анализ образа Саломеи у Ахматовой проливает свет на ряд её стихотворений, что может быть включено в комментарий при изучении поэзии Серебряного века. Во-вторых, результаты исследования могут найти применение в **литературно-критической и культурно-просветительской деятельности**. Тема «Достоевский и Ахматова: диалог через Библию» интересна широкому кругу любителей литературы и может лечь в основу

публичных лекций, музейных экспозиций (например, в музеях Достоевского или Ахматовой), сценариев документальных фильмов о взаимосвязях культуры. В-третьих, практическая значимость проявляется в междисциплинарном плане: результаты могут заинтересовать богословов, культурологов, гендерных исследователей, поскольку затрагивают вопросы рецепции библейских сюжетов, женской святости и грехопадения в литературе.

Дискуссионные замечания и вопросы. Диссертация Р. Р. Ахуновой выполнена на высоком научном уровне, однако ряд моментов вызывают **дискуссионные соображения**, что вполне естественно для новаторского исследования. Позволю себе высказать некоторые замечания и вопросы к автору:

- **Баланс сравнительного анализа.** В работе сопоставляются проза Достоевского и лирика Ахматовой – разные роды литературы. Насколько корректно сравнивать напрямую романного персонажа и лирический образ? Автор успешно провёл такие сопоставления, однако интересно было бы услышать от соискателя методологическое обоснование: в чём он видит гарантию сопоставимости этих разнородных материалов. Возможно, стоило отдельно оговорить специфику лирической героини Ахматовой по сравнению с персонажем романа, чтобы еще чётче обозначить границы метода.

- **Гендерный аспект анализа.** Автор констатирует наличие «резко выраженного гендерного аспекта» в трактовке библейских образов у Ахматовой. Однако хотелось бы подробнее узнать, как Рина Рушановна теоретически осмысливает этот гендерный аспект. Использовались ли концепции феминистской критики или гендерной теории при анализе (пусть и неявно)? Видится перспектива углубить работу именно в этом направлении: например, сравнить ахматовское «говорящее молчание» библейских героинь с тем, как их изображали мужчины-писатели. Данный вопрос можно адресовать автору: чем, по его мнению, женский авторский взгляд принципиально изменяет интерпретацию образа (на примерах Марии, Юдифи и др.)?

- **Понятие «код Достоевского».** Введённое автором понятие весьма интересно и оправдано конкретными примерами. Однако не совсем ясно, является ли «код Достоевского» уникальным случаем влияния или частным проявлением более общей межтекстовой связи. То есть, можно ли говорить о «коде другого автора» у Ахматовой (например, о коде Пушкина, учитывая её любовь к Пушкину)? Если да, то чем «код Достоевского»

отличается? Хотелось бы узнать мнение диссертантки: считает ли он, что Ахматова сознательно ориентировалась именно на Достоевского при воссоздании библейских сюжетов, или это влияние проявилось стихийно, через общую культурную среду? Иначе говоря, каково соотношение осознанной литературной игры и бессознательной типологической схожести?

- **Соотношение мифопоэтики и христианской традиции.** В диссертации часто употребляется термин «творческая контаминация мифопоэтических и христианских мотивов». Насколько я поняла, речь о том, что Достоевский и Ахматова смешивали библейские сюжеты с мифологемами, фольклором и т.д. Хотелось бы уточнить: может ли автор привести конкретный пример такой контаминации? Например, в каких образах сказывается влияние именно народно-мифологических представлений (может быть, в трактовке образа Саломеи или Юдифи)? Этот вопрос интересен в плане конкретизации метода: как соискатель отличает собственно библейский пласт от мифологического, где они сливаются? Не произошло ли иногда излишнего расширения понятия «библейский образ», когда под ним подразумеваются синтетические образы, включающие мифологию? Думаю, автору стоило бы чуть подробнее оговорить терминологию «мифопоэтический» применительно к христианскому материалу.

- **Степень влияния Достоевского на Ахматову.** Хотя автор убедительно показал наличие параллелей, дискуссионным остаётся вопрос: **насколько прямым было влияние?** Например, когда Ахматова пишет о жене Лота или Рахили, опирается ли она на тексты Достоевского, или скорее напрямую на Библию и собственный опыт? Автор справедливо приводит примеры интертекстуальных отсылок Ахматовой к Достоевскому (например, аллюзии на *«Идиота»* и *«Карамазовых»* в её стихах). Но хотелось бы уточнить: все ли библейские образы у Ахматовой опосредованы Достоевским, или есть автономные? Этот вопрос важен для понимания границ влияния: не умаляет ли акцент на «коде Достоевского» оригинальность самой Ахматовой? Возможно, уместна была бы оговорка, что Ахматова, конечно, черпала из Достоевского, но и самостоятельно переосмысляла Библию. Тем не менее, это предмет дискуссии, и автор, вероятно, сможет пояснить нюансы на защите.

Эти замечания не снижают общего высокого уровня диссертационного исследования, а лишь отмечают аспекты, предлагающие поле для дальнейшей дискуссии и дальнейшей разработки.

Общий вывод. Представленная к защите диссертация является актуальным, новаторским и качественно выполненным научным

исследованием, вносящим вклад в филологическую науку. Автореферат и публикации полно и адекватно отражают результаты и содержание работы.

По совокупности характеристик рецензируемое исследование отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, согласно п. 2.2 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а её автор, **Рина Рушановна Ахунова**, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности **5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации**.

Доктор филологических наук (10.01.01),

профессор, заведующий

кафедрой истории журналистики и

литературы факультета журналистики

ОЧУ ВО «Московский университет

им. А.С. Грибоедова»

 Любовь Геннадьевна Кихней

30.05.2025

111396, г. Москва,

Зеленый проспект, д. 66 А.

E-mail: cra@adm.iile.ru

Раб. тел.: 8-495-673-74-19